

‘grand voilier, long-courrier qui passait par le cap Horn’. По расширению значения название корабля переносится на капитана и команду *cap-hornier* ‘nom donné aux capitaines commandant ces navires et à leurs équipage’. Результаты проведенного исследования подтверждают тезис о том, что нормативные изменения модели связаны с общей тенденцией к усилению константности языкового знака. Словообразовательные модели рассматриваются не только как категоризаторы языковых единиц, но и как категоризаторы опыта, приобретаемого человеком.

Исторический аспект изучения производных имен деятеля дает возможность осознания проблем словообразовательного характера: модель как историческая категория, зависимость словообразовательного значения, структуры и семантики производных определенной модели от лексического значения образующего слова и его когнитивной специфики. Большинство производных категории агентивности и в современный период развивают свои значения на образной основе с постоянным обновлением их содержательных форм. Все новые образования представляют собой выражение концепта активного начала деятельностной сущности в актуальном его проявлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матюнова, А. А. Структура номинативно-словообразовательной семантики сложных слов в русском языке (диахронический аспект) / А. А. Матюнова // Веснік Бел. дзярж. ун-та. Сер. 4. – 2011. – № 3. – С. 46–50.
2. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
3. Кремзикова, С. Ю. Словотвір та дискурс: діяльнісні ситуації у старофранцузькій мові : монографія / С. Ю. Кремзикова. – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2010. – 512 с.

А. В. Кремнева (АлтГТУ им. И. И. Ползунова, Барнаул, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ СМЫСЛА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Хорошо известен тот факт, что человек может по-разному форматировать когнитивное содержание своего высказывания с помощью языковых средств. При этом по способности варьировать способы выражения мысли при необходимости адаптировать свою речь в зависимости от собеседника мы формируем наше представление о коммуникативных способностях человека, об уровне развития его языковой личности. Каждый представитель определенного лингвокультурного сообщества владеет определенной совокупностью языковых средств, позволяющих ему осуществлять речевую деятельность. Однако уровень владения этими средствами различен. Как справедливо подчеркивает Б. Ю. Норман, различие в реализации этих

языковых средств состоит в «доле стандарта» и «доле новаторства» [1]. Полагаем, что к новаторству следует относить не только создание новых слов или необычное их сочетание, но и такие нестандартные способы выражения мысли, как использование для этого прецедентных высказываний, хранящихся в интертекстуальном тезаурусе языковой личности. Как отмечает Б. М. Гаспаров, в нашей языковой памяти хранится в самых различных формах множество «осколков» прошлого языкового опыта, которые в процессе нашей речемыслительной деятельности извлекаются из памяти, модифицируются, переосмысливаются и используются нами в процессе коммуникации [2].

Исходя из принципа изоморфизма языка и мышления, можно считать, что обилие в речи говорящего тривиальных, клишированных форм выражения мысли свидетельствует о среднем уровне развития языковой личности, тривиальности мышления. И, напротив, богатая, образная речь, использование неконвенциональных способов выражения мысли свидетельствует о нестандартности мышления, способности к креативному использованию ресурсов языка, высоком уровне лингвокультурной, или интертекстуальной компетенции. Такие способы передачи мысли отвечают постоянной потребности к лингвокреативной деятельности, игре со словом, в данном случае, игре с помощью «чужого слова», что также позволяет сделать вывод о лингвокреативных способностях говорящего. Приведем пример: *She grew bored, and gazed out of the window, at the fading winter light and the fluttering descent of the snow. The snow was general all over Rummidge, she mused, playing variations of a famous passage by James Joyce to divert herself. It was falling on every part of the dark, sprawling conurbation, on the concrete motorways, and the treeless industrial estates, falling softly upon the lawns of the University campus and, further westward, upon the dark mutinous waters of the Rummidge-Walsbury canal* (D. Lodge. «Nice Work»). Д. Лодж использует интертекстуальный прием для создания образа главной героини романа «Хорошая работа» («Nice Work»), преподавателя литературы местного университета. Устав от скучных речей на производственном совещании на фабрике, куда она направлена в качестве так называемого *shadow*, т. е. наблюдателя от академических кругов, она коротает время, придумав своеобразную интертекстуальную игру. Используя структуру хорошо знакомого ей отрывка из рассказа Дж. Джойса «Мертвые» («The Dead») в качестве матрицы, она создает свой собственный текст, который представляет собой описание местного индустриального ландшафта. Характер данного отрывка позволяет читателю составить представление о языковой личности персонажа.

Использование «чужого слова» как особого способа форматирования когнитивного содержания в текстовых практиках и в повседневной коммуникации обусловлено и тем, что нередко выражение смысла сообщения с помощью «чужого слова» оказывается и более экономичным способом выражения смысла: вместо развернутой формы выражения смысла нам оказывается когнитивно более «выгодно» передать этот смысл с помощью лишь одного слова или фрагмента прецедентного текста, т. е. лишь намека,

достаточного для того, чтобы слушающий, обладающий достаточным интертекстуальным тезаурусом, смог декодировать смысл сообщения. Принцип экономии, реализуемый при использовании «чужого слова», становится особенно очевидным в тех случаях, когда в порождаемом тексте используется лишь фрагмент прецедентного текста, который должен (для успеха общения) активировать в памяти слушающего весь текст, способствуя пониманию смысла, передаваемого с помощью этого текста. Например, героиня романа Дж. Фаулза преобразует исходную поговорку *to kill two birds with one stone*, редуцируя ее и заменяя в ней всего одно слово, и использует ее для объяснения своего экзотического хобби – кражи вещей (*shoplifting*) в дорогих супермаркетах: *I steal everything... I never steal from small shops. Only the big stores. They ask for it. Don't look so shocked... I hate big stores. And not just capitalists. Pommy capitalists. Two birds with one steal* (J. Fowles. «The Magus»).

Все сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что прецедентные высказывания, образующие интертекстуальный тезаурус личности, служат одним из способов вариативности, а способность творчески и в то же время экономно использовать эти средства служит одним из параметров характеристики уровня развития языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Норман, Б. Ю.* Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. – 228 с.
2. *Гаспаров, Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

Е. В. Ксендзова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ В БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ КАК РЕЗУЛЬТАТ БЕЛОРУССКО-БАЛТСКОГО ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Диалектный язык, представляющий собой совокупность структурно-территориальных обособлений говоров в рамках национального языка, характеризуется наличием большого количества вариантов, проявляющихся на разных уровнях языковой системы (фонетическом, словообразовательном, лексическом и т. д.). Эта особенность обусловлена многими причинами – как внутренними, так и внешними по отношению к рассматриваемому языку и его диалектам. Процесс заимствования относится к внешним факторам, которые способствуют развитию вариативности в принимающем языке. Особенностью белорусско-балтского диалектного взаимодействия, которое осуществлялось на протяжении многих веков, является взаимное проникновение языковых единиц разных уровней, когда заимствованные элементы становятся неотъемлемой частью системы языка-реципиента, в том числе проявляясь и в исконных по происхождению словах.

Объектом исследования явились белорусские диалектные оценочные наименования человека с формантами *-ш-(а)*, *-з-(а)*, имеющие вариантное